

Т.В.Маркелова, М.В.Петрушина
Москва

**Семантическая структура модального значения
неодобрения как соотношение ментального, эмотивного,
перцептивного, волитивного модусов**

Интеграция лингвистики с психологией, философией и логикой привела к восприятию языка как способа бытия сознания. Именно поэтому описание семантики и инструментария модальности неодобрения важно для современного состояния русистики: оно позволяет проникнуть в механизм познавательной и речемыслительной деятельности человека в процессе языкового миропроизводства.

Разветвленную сеть средств выражения негации современного русского языка говорящие активно эксплуатируют, поскольку в обществе имеется свой перечень пороков и добродетелей. Знаки оценки личностных характеристик и явлений определяются сложившейся традицией отношения к ним. Так, *лень, безделье* всегда оценивались отрицательно: – *Удивительный, я вам скажу, народ! – ворчит Ляшкевский, со злобой глядя на обывателя. – Вот как сел на лавочку, так и будет проклятый сидеть сложа руки до самого вечера. Решительно ничего не делают, дармоеды и тунеядцы!* (А. Чехов) Наши соотечественники гораздо легче порицают, чем одобряют, нарушая один из важнейших постулатов речевого общения – «принцип вежливости». Щадящая, деликатная номинация неодобрительного отношения свойственна публицистическому и научно-популярному стилю, гораздо реже – разговорному и стилю художественной литературы.

Поскольку главной фигурой выражения неодобрительного отношения является говорящий, центр тяжести переносится с лингвоцентрического направления изучения модальности [Ш. Балли 1961; В.В. Виноградов 1975 и др.] на социолингвистический (антропоцентрический) контекст проблемы, который требует обращения к тексту и – шире – речевой ситуации.

Многообразии речевой реализации значения неодобрения диктуется тем, что оно различными своими сторонами связано, во-первых, с коммуникацией (речевые акты неодобрения, осуж-

дения, угрозы); во-вторых, с прагматической ситуацией речи – различными видами отрицательных оценочных суждений (X – плохой; Я считаю, что X – плохой и др.); в-третьих, с экспрессивно-эмоциональной палитрой семантики неодобрения, дифференциацией недовольства говорящего и способов его языкового выражения. Используемые при этом в речевой деятельности разноуровневые средства языка – лексическо-фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические не систематизированы, не выявлены мотивы их выбора говорящим, зависимость от коммуникативной перспективы высказывания, жанра речи, модальности предложения и текстовой модальности.

Между тем сейчас особенно ярко проявляется тенденция раздавать отрицательные характеристики совсем незнакомым людям, на что обращают внимание публицисты: *«Что это должно быть за общество, где изначально все презирают друг друга, что вполне выражается в заглазных определениях незнакомцев: «вон тот дурак», «что это за козел»? В утере слов обращения друг к другу, вообще в невероятной, но привычной оскорбительности атмосферы нашего бытия»* [НГ, № 170, 1999]. Социологические исследования, проведенные центром Т. Заславской, дают ответ на поставленный вопрос: для психического состояния нашего общества в последнее десятилетие характерны, с одной стороны, такие эмоции, как злоба и агрессивность, с другой – такие, как апатия и усталость [Известия, № 16, 1999].

Анализ психологической и лингвистической природы данного явления требует обращения к специфике семантической структуры неодобрительной модальности, которая заключается, на наш взгляд, в сложности самого феномена «модальность» и в многоаспектности семантики «неодобрение». Совмещение понятий «отношение говорящего», «оценка», «эмоция», «экспрессия» в синтагме «модальное значение неодобрения» нуждается в подробном комментарии и исследовании.

На разных этапах развития лингвистики понятие модальности то сужалось до понятия наклонения, то расширялось, сливаясь с категорией оценки (см., например, модальная оценка

Н.Ю. Шведовой) и выражением эмоционально-экспрессивного отношения к сообщаемому.

Преобладание широкого понимания модальности придает этой семантической категории характер мегаязыкового явления. Таким оно представлено у Ш. Балли, включающего в число модальных значений «самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [Балли 1961: 43]; у Н.Ю. Шведовой, квалифицирующей эмоциональное отношение к сообщаемому как модальное [РГ 1980, II: 215]; у Н.Е. Петрова, считающего, что «эмоциональность в своем грамматическом выражении всецело относится к языковой модальности» [Петров 1982: 107].

Отмеченный факт не противоречит представлению о неодобрительной модальной семантике как одной из групп семантических категорий модуса – квалификативной, в состав которой входят также модальность, персуазивность и авторизация. Т.В. Шмелева подчеркивает: «...выражая квалификативные смыслы, говорящий реализует свою волю, поступает в соответствии со своими замыслами и представлениями» [Шмелева 1984: 85].

Семантическая типология модуса и грамматический репертуар средств его выражения позволяют очертить место модальной семантики неодобрения среди аспектов единой категории модальности, определить ее сложную структуру, обусловленную оценочным стимулом, лежащим в основе любых неодобрительных высказываний.

Мыслящий субъект активно участвует в процессе познания, включающем восприятие, мышление, образование различного рода мнений, суждений, квалификаций объективной действительности, а также речевую деятельность: «Предицируя, мы как бы имеем в виду себя, свою личность, мы ощущаем или осознаем себя как виновника акта предицирования: так, предложение "снег бел" заключает в себе в скрытом виде следующее – невыраженное – движение мысли: "я (говорящий, думающий) знаю, полагаю, утверждаю и т.д., что признак белизны должен или может быть приписан снегу, как предикат"» [Овсяннико-Куликовский 1912]. Приведенное высказывание выражает мысль о наличии в любом высказывании двух смысловых комплексов – объективного и субъективного (идущего от говоряще-

го), а также о возможности их имплицитного проявления. Скрытая часть высказывания (*Я знаю...*) представляет собой мыслительную операцию в отношении объективной действительности, сообщает об авторе-говорящем, эксплицитная часть – вторая – "снег бел" отражает объективное положение дел.

В учении о модусных категориях Ш. Балли часть высказывания – положение дел – называется диктумом (процесс, образующий представление), а часть высказывания, коррелятивная психической операции, производимой мыслящим субъектом над этим представлением, называется модусом. Логическим и аналитическим выражением модуса является соединение модального глагола и модального субъекта. Идея обязательного соединения в высказывании объективного и субъективного начал признается фундаментальным положением, определяющим психолингвистическую природу смысловой организации высказывания.

В лингвистической литературе используются следующие терминологические обозначения для модуса – модусная / модальная рамка, модусная пропозиция, квалификативная структура, пропозициональное отношение / установка, интенциональное состояние сознания, психологическая / субъективная реакция, модальное отношение; для диктума – дескриптивная структура, факт, положение вещей, ситуация (в том числе процесс, событие, происшествие), суждение.

Проблема модуса выделилась из общей проблемы модальности как особый ее аспект – внешнесинтаксический.

Если диктум отражает в сознании человека факты, события, явления реальности, то есть определенное положение вещей – предметную ситуацию, то модус или «интегральная природа модуса» понимается в современной лингвистике как комплекс смыслов, идущий от говорящего и отражающий то, «что говорится в диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях ("речевую ситуацию")». Он охватывает переменчивые элементы высказывания, субъективно окрашенные, зависящие от интенции говорящего» [Гак 1998: 87].

Таким образом, содержанием модуса является **языковое выражение психических переживаний, связанных с объективной реальностью**. Модусные события отражают факты "несубстанциональной" действительности, ...рефлексии говорящего по

поводу другого события и оценивают, квалифицируют диктум под разными углами зрения – модальным, эмоциональным, истинностным, этическим и др., с точки зрения говорящего.

Единицей описания модусных событий считается пропозиция, то есть понятие «интеллектуальной модели ситуации» [Ломтев 1972]. Модус и диктум организуют смысловое устройство предложения и находятся в дополнительных отношениях: модус невозможен без диктума, то есть вне отношений с диктумом модусное событие перестает существовать, становясь диктумом: ср.: *Мне нравится, что вы больны не мной... – Мне нравится.*

Примером имплицитного выражения модуса является использование псевдоимператива для выражения неодобрения и даже запрета действий или поступков собеседника: *Поговори, поговори тут; Поговори, поговори у меня; Поспорь, поспорь со мной;* или использование повествовательной структуры в ситуации недовольства: *Народ пошел (плохой); Я обращаюсь к вам на русском языке (ситуация на уроке), Знаем мы ваши обещания...*

Существование имплицитных средств выражения затрудняет исследование модусных категорий. Эксплицитный модус порождается, по мнению Н.Д. Арутюновой, внутренним или явным диалогом [Арутюнова 1988: 106-108].

Среди признаков, определяющих сложность исследования модуса, можно назвать следующие:

- тенденция к значимому отсутствию (невывраженности);
- эксплицитная неоднородность (распыленность) языковых средств выражения – от интонации, "мельчайших" частиц до построения сложного предложения;
- комплексность модусных показателей, контаминация их значений, полифункциональность;
- проникновение, "врастание" модуса в диктум: ср.: *Я считаю, что X – хороший / плохой – X – хороший / плохой.*

В языкознании существуют различные классификации, типологии модусов, модальных рамок, модусных аспектов, модусных предикатов. Выделяются, в частности, перцептивный, ментальный, эмотивный, волитивный, речевой, квалификативный модусы (и др.).

Тип модуса определяется семантикой образующего его предиката. Семантика модусного предиката отражает определенную ступень когнитивного процесса, цикла, развивающегося от восприятия к знанию и фиксирующего все этапы и аспекты речемыслительного акта. Многообразие модусов отражает многообразие отношений между бытием и сознанием.

Модусные предикаты имеют собственное место в системе языка, свои структурно-семантические особенности. Из многочисленных терминологических обозначений – предикаты пропозициональной установки, модусные, авторизующие, интенциональные, предикаты второго ранга, квазипредикаты, предикатные функторы и др. мы выбираем для нашей работы термин предикаты внутреннего состояния или **психической реакции**.

Названные предикаты обозначают специфические ситуации, отражающие вербальную и психическую деятельность субъекта. Их структурная особенность – способность присоединять предикатные актаны, выполняющие при них семантическую роль содержания. Каждый модус имеет собственный набор предикатов - средств выражения.

1. Модус восприятия (перцептивный) – отражает процесс чувственного восприятия, фиксирует способ познания, то есть получения информации. Предикаты чувственного восприятия – зрительного и слухового, ощущения, обоняния, осязания, точного и неточного (ложного) восприятия – ср.: *видеть, слышать* (*видно, слышно*); *ощущать, чувствовать, воспринимать* и др. – *казаться, чудиться, мерещиться* и мн.др. В этом типе стоят особняком предикаты обнаружения – *найти* (*Нашел кого звать*), *заметить, обнаружить, открыть* и предикаты представления – *представлять, воображать, мыслиться*. В зависимости от контекста они способны передавать не только перцептивные, но и ментальные смыслы, то есть представляют собой переходное явление.

2. Ментальный модус "обслуживает" сферы эпистемической и аксиологической природы, идентифицирующие и квалифицирующие интеллектуальную деятельность субъекта – процесс познания. Его сущность состоит в рефлексии субъекта над собственным текущим ментальным состоянием, в выражении своего отношения к диктумной пропозиции, в придании дикту-

му определенности. Именно здесь сосредоточена субъективность процесса познания, поэтому его можно отнести к классическим знакам оценочной модальности, реализующим умственный акт оценки *de dicto*: *Я считаю, что X хороший / плохой*.

К ментальному модусу относятся модусы *полагания и оценки, знания, незнания, сомнения и допущения (вероятностной оценки), истинностной и общей, аксиологической оценки*.

Модус полагания и оценки реализуется предикатами: *считать, полагать, находить, интерпретировать, оценивать, трактовать, рассматривать как..., думать, представляться, казаться* и др. Модус полагания – квазиуниверсальный, поскольку может быть предпослан любому предложению, в том числе уже содержащему модус.

Сфера *мнение* объединяет два типа смыслов: мнение-предположение *Я думаю, что...* и мнение-оценку *Я считаю, что...*, отличающихся по ряду признаков. Первое выражает вероятностную оценку и допускает возможность ошибки. Второе имеет статус субъективной истины для говорящего (например, ему может нравиться кислое незрелое яблоко и плохая погода), выражает истинностную оценку подчиненной пропозиции и, исключая сему «вероятность», выявляет субъективность мнения. Этот тип мнения характеризует саму личность человека, в отличие от мнения-предположения, для изменения которого достаточно поступления новой информации.

Ядерным экспликатором модуса мнения-оценки является глагол *считать*, конструирующий специальные оценочные модели типа *Он считался хорошим / плохим учителем. Ср.: невозможное? Он думался...*). Как правило, мнение-оценка используется в интенциональном контексте, интерпретирующем действия и вводит неверифицируемые пропозиции в отличие от мнения-предположения, которое в фактическом контексте вводит верифицируемые пропозиции, истинность которых может быть доказана.

Модус знания реализуется модальной рамкой с предикатами *знать, ведать, понимать, вспоминать, допускать, осмысливать, объяснять, убеждаться, разбираться, иметь представление, быть известным, ясно, понятно, доказано, что... и др.* Знание субъективно, но может быть проверено в реальном мире,

к тому же может служить критерием положительного или отрицательного отношения говорящего. В особый тип выделяется *модус незнания*, эксплицируемый следующими предикатами: *неизвестно, как знать, не берусь судить, не решено, время покажет, еще вопрос* и мн. др.

Модус сомнения и допущения (вероятностной оценки) выражает отношение к истинностному значению пропозиции, ставит его под сомнение, предлагает шкалу вероятностных оценок: *сомнительно, маловероятно, не доказано, не уверен, не убежден, не факт*.

Модус истинностной оценки выражается соответствующими предикатами и существительными, номинацией речевых актов, квалифицирующих их по несоответствию действительности: *не может быть, исключено, невозможно, неверно; ложь, клевета, выдумки, сплетни, ерунда, чушь, басни, ошибки*. Решая вопрос об истинности/ложности высказывания, модус истинностной оценки и эксплицирующие его средства свидетельствуют о связи суждения с диалогической речью: они отсылают либо к предшествующему высказыванию, либо к его автору с имеющимися у него коммуникативными интенциями.

Модус общей оценки как разновидность ментального модуля принадлежит аксиологической сфере (более широкой): *хорошо, плохо, скверно...* Модус общей оценки вводит пропозитивные единицы в виде изъяснительных придаточных, что нехарактерно для экспрессивных предикатов (эмоционально-окрашенных): *отлично, чудно, замечательно: Отлично, что весна каждый год возвращается, и с каждым годом все как будто больше и больше хорошеет, но худо, что молодость уж никогда не возвращается* (М.Е. Салтыков-Щедрин); и предикатов частной оценки (*полезно, вредно*) Если оценка касается гипотетической ситуации, модус может вводить условные придаточные: *Хорошо, если получится отдохнуть в этом году*.

3. Сфера волеитивного модуля объединяет два типа смыслов – волеизъявление и необходимость. Первое основано на «планирующей и корректирующей деятельности разума» [Арутюнова 1988: 130] и реализуется глаголами и глагольно-именными сочетаниями: *хотеть, желать, испытывать потребность, чувствовать необходимость, надо, необходимо* и др., а также гла-

голами с семантикой речевого воздействия: *приказывать, требовать, просить, велено, приказано*.

4. Семантика эмотивного модуса отражает эмоциональное состояние и отношение, шире – психическую реакцию говорящего. Модальная рамка может быть эксплицирована словами различной грамматической природы: *жалеть, сожалеть, бояться, опасаться, огорчаться, удивляться, грустно, радостно, приятно, противно, досадно, обидно, рад, огорчен, счастлив*.

Модусные слова *удивительно, странно, любопытно, достойно удивления, не верится*, выражающие "спонтанную" психическую реакцию, составляют переходное звено между эмотивными и ментальными модусами, квалифицируемыми Е.М. Вольф как модусы странности, опасения [Вольф 1988].

Неоднородность грамматического выражения модусной рамки (глаголы, предикативы, краткие прилагательные и причастия) обусловлена типом значения модуса, который колеблется между событийным и пропозициональным. Тесная связь существует между модусами эмотивным и перцептивным, так как восприятие (в широком смысле) лежит в основе всех эмоциональных реакций и состояний: *Печально я гляжу на наше поколение!* (М. Лермонтов) – здесь перцептивный и эмотивный модусы вмещаются в рамках одного высказывания.

Особенно тесная связь характерна для эмотивного и ментального модусов: эмоции непосредственно базируются на знаниях и предположениях, то есть имеют под собой ментальную основу [Гак 1998]. В особых отношениях эмотивный модус находится с модусом общей оценки, ибо эмоция в своей напряженной фазе способна индуцировать оценку, а оценка, в свою очередь, "эмоционально окрашиваться", приобретать эмоциональный «ореол» [Маркелова 1996: 120-121].

5. Предикаты речевого модуса отличаются способностью к взаимодействию с каждой из рассмотренных групп модусов: перцептивной, мнения, оценки, эмотивной, волитивной: это предикаты информации *говорить, рассказать, сообщить*; акцентировки – *подчеркнуть, заметить* и др., диалогические – *подтвердить, обсудить, согласиться* и др., каузирующие *объяснять, заверить, убедить* и др.; перформативы типа *заявлять, объявлять, декларировать, одобрять*. Действительно, знание о

результатах восприятия мнения, волеизъявлении и др. может быть получено только в процессе либо в результате общения. Например, ментальные предикаты, в том числе знания-мнения, в модальной рамке выражают одновременно акт мысли и акт речи: *Ему нравятся старинные книги; Я одобряю его отношение к людям* и др.

Взаимодействие реактивной и речевой модальной рамки, то есть интерпретация говорящим одновременно речевого действия и эмоциональной реакции на речь, рождает проблему речевой каузации. Реакция говорящего может быть направлена:

– на эмоциональное чувство, вызванное фактом сообщения: *Мне радостно / больно услышать, что...*

– на сообщаемый факт: *Отцу было обидно, что дочь не придет;*

– на сущностно-оценочное содержание чужого высказывания, его квалификацию говорящим: *жаловаться, хвастаться, сплетничать;*

– на мотивы речевого действия, предполагаемые или реальные последствия (модусные глаголы *клеветать, чернить, выгораживать*) в диктуме.

Особый интерес представляет глагол *одобрять* (в контексте наших исследований применяется его отрицательный вариант – *не одобрять*). При подходе к категории оценки как функционально-семантическому полю этот глагол квалифицируется как узел-лексема (термин Е.С. Кубряковой), организующий словообразовательный блок *одобрение / неодобрение, добрый / недобрый, добро / недобро, добро / зло*. Являясь перформативом по своим семантико-прагматическим свойствам ("отзываться одобрительно"/неодобрительно"), этот предикат олицетворяет по набору сем в своей семантической структуре связь ментального и социального пространства: речевому действию как социальному поступку предшествует мнение о ценности. Оно же обнаруживается в предикатах – функциональных и синтаксических дериватах этого глагола: *похвала / порицание, славословие, дифирамбы, непозволительно, незаконно* и мн.др.

Однако взгляд на *одобрять* как на начальный, нулевой тип оценочных предикатов и строящихся на их основе высказываний прагматического типа не означает возможности такой же квали-

фикации для отрицательного *не одобряю, неодобрение*: «Отрицательная зона фрагмента демонстрирует асимметрию в данной области: семантика отрицания обладает собственной силой интенсификации, не допускающей употребления типа *очень не одобрял, очень порицал* и под. Ср.: *возмущаюсь, осуждаю, презираю* и под.» [Маркелова 1999: 84-85]. В числе причин можно назвать следующие: в высказываниях с *одобрять* содержание диктума как мыслительного акта оценки сосредоточено в субъектно-объектных отношениях и осложнено наложением речевого действия на мыслительное; оценочная эмоция выражена здесь семантически "слабо", как сема отдаленной связи; высказываниям свойственен коммуникативный параметр *бесстрастности*.

Неодобрение (не одобрять) как модус оценки как бы "превалирует" над диктумом, довлеет над ним за счет субъективности неодобрительного мнения и "силы" отрицательных эмоций (гнев, страдание, печаль) по сравнению с положительными, высказываниям свойственен коммуникативный параметр *пристрастности*. Подчеркнем, что асимметрия указанных свойств одобрения – неодобрения отражает **три типа межличностных отношений в психологии** – *сопереживающее* (понимание, сочувствие, оправдание, сожаление, тревога – *бедняга!*); *одобряющее* (симпатия, восхищение – *молодец!*); *отвергающее* (антипатия, осуждение, неприятие – *деловитый до тошноты!*).

Описанная проблематика модуса помогает определить семантическую структуру модальной семантики неодобрения и использовать ее при интерпретации языковых средств ее выражения.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1961.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Русская грамматика. Т.2 / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н.Е. Петров. – Новосибирск. 1982.

Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – Вып. 1.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1912.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М., 1972.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Дис. д-ра. филол. наук. – М., 1996.

Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения // Филологические науки. – 1999. – № 3.

© Маркелова Т.В., 2007

© Петрушина М.В., 2007